

Онтология научного познания: эссенциализм versus инструментализм

В XX веке характер научного познания претерпел значительные изменения. Точка зрения классической физики на характер научного познания, сформулированная ещё Галилеем и Ньютоном и получившая название эссенциализма, стала неудовлетворительной для неклассической физики. Классическая парадигма же основывалась на представлениях об объективности, полноте наших знаний о мире, при помощи которых мы открываем мир таким, как он есть, наши теории претендуют на истинностное знание, которое неопровержимо. Для неклассической науки возможность познания реальности окружающего мира находится под сомнением, существует непреодолимая граница между субъектом и объектом познания. Развитие физики привело к пониманию принципиальной ограниченностью своих знаний, в противоположность классическому представлению о полном описании происходящих событий. Был открыт целый класс явлений, поведение которых описывается вероятностными функциями, точные предсказания в таких системах невозможны. Квантовая физика сформулировала принцип зависимости наших знаний от субъекта наблюдения, зависимость поведения системы от производимых в ней измерений.

В противоположность эссенциализму в рамках неклассической науки возникло иное понимание статуса научного познания – инструментализм, представляющее теорию как инструмент, правило для получения значимых практических результатов. Научные теории и гипотезы не претендуют на реальность, не описывают действительных фактов окружающего мира: в нем не существует таких вещей, как силы притяжения, количество теплоты и так далее. Высказывания, при помощи которых строится теория, диспозиционные высказывания, не имеют дескриптивного значения, представляют собой знак, который не отсылает к означаемому. Поздний инструментализм, для укрепления своей аргументации, допускает некоторый вид дескриптивных значений как возможных в будущем качеств вещи: используя диспозиционные слова, мы описываем то, что может в потенции случиться с вещью.

В противопоставлении эссенциализма и инструментализма выражено два противоположных взгляда на соотношение природы и научного познания. Эссенциализм открывает новый мир, выходящий за пределы повседневности; благодаря применению математического аппарата, наука призвана освобождать наш разум от предрассудков субъективности, говорил Галилей. Эссенциализм утверждает, что лучшие и истинные научные теории описывают сущностную природу вещей, те реальности, которые лежат за явлениями. Не существует принципиальной разницы между научными теориями и описываемыми явлениями. Для инструментализма «мир является тем, чем он кажется, только научные теории не являются тем, чем они кажутся» [Поппер К. Предположения и опровержения. 2004. С. 135]. Наука дает нам механистическое представление о мире, но она не может открыть и не открывает нам новых миров, лежащих за повседневным миром явлений, т.к. повседневный мир лишь поверхность, у него нет «глубины». Инструментализм, в отличие от эссенциализма, признает существование только духовных сущностей (Беркли), которыми наука не занимается, или же, подобно Канту, существование вещей в себе, которые не доступны для научного познания. Понятия, с которыми работает наука, не имеют значений в мире наблюдаемых фактов.

В своей книге «Предположения и опровержения», Карл Поппер, критикуя обе точки зрения, предлагает им альтернативу. Он принимает утверждение эссенциализма о том, что «...ученый стремится к нахождению истинной теории, то есть такого описания мира, которое было бы также объяснением наблюдаемых фактов» [Там же. С. 121]. В то же время «...ученый не может достигнуть успеха в окончательном обосновании истинности или ложности научных теорий» [Там же. С. 141]. Все научные теории на любом уровне своего обоснования остаются гипотезами. К. Поппер стремится четко разграничить науку и метафизику. В науке мы должны избегать окончательного объяснения явлений при помощи

введения сущностей, обладающих метафизическим содержанием. Это, во-первых, делает теорию непродуктивной, а во-вторых, делает невозможной её фальсификацию «Содержание сущностей не может быть подвергнуто эмпирической проверке, в то время как научные теории представляют собой объяснение и выявление закономерностей, которые могут быть эмпирически проверено» [Там же. С. 142]. Таким образом, используя сущности при объяснении, наука создает границы внутри себя самой. Однако полностью очистить научное знание от метафизических составляющих: «я даже не захожу столь далеко, чтобы утверждать, что метафизика не имеет никакой ценности для эмпирической науки. Нельзя отрицать, что наряду с метафизическими идеями, ставившими препятствия на пути прогресса науки, были и другие, такие как умозрительный атомизм, которые способствовали ему» [Поппер К. Логика научного исследования. М., 2005].

Взамен К. Поппер предлагает третью точку зрения, согласно которой ученый стремится к истинному описанию мира, но сам никогда с уверенностью не может утверждать истинности или ложности своих предположений. Теории должны постоянно подвергаться строгим критическим проверкам, хотя и не могут быть окончательно верифицированы. Научная теория не в состоянии создать такую картину реальности, которая бы описывала положение дел таким, каково оно на самом деле. Теория лишь определенным способом описывает некоторый фрагмент мира, но ничего не говорит о мире в целом. Научное знание иерархично: в зависимости от уровня обобщения, степени абстрактности теории; получается, что физический мир описывается с разных горизонтов видимости, которые, хотя и не противоречат один другому, но могут быть практически независимы друг от друга. Не существует окончательной, то есть абсолютной, реальности, к которой отсылает описание научной теории, т.к. попытка такого описания означала бы возврат к детерминизму.

Таким образом, К. Поппер преодолевает крайности, присущие эссенциализму и инструментализму. Он отрицает возможность абсолютного знания об окружающем мире, для него не приемлемо окончательное описание явлений посредством метафизических «сущностей». Они присутствуют в научных теориях как вспомогательный инструмент, как представления, истинность или ложность которых не может быть установлена. Для Поппера неприемлема позиция инструментализма, представляющего научное познание как правила, средство, не имеющее действительного отношения к миру. Наше познание принципиально ограничено и неполно, но в то же время как попытка действительного описания физических явлений, оно претендует на обладание истиной. При этом возникает некий парадокс: ученый находится в ситуации поиска истины, одновременно зная о её недостижимости. Разумеется, всегда сохраняется ценность знания ради знания, стремление к истине как свойство человеческой природы; но если мы знаем, что наше стремление обречено на неудачу, то не становится ли наше знание абсурдным?

В связи этим можно провести интересную параллель между взглядами К. Поппера и учением Николая Кузанского, ставшего основанием проекта науки Нового времени. Николай Кузанский использует метод апофатического богословия, только он значительно интеллектуализирует мистическое познание Бога. Из логики отрицательного восхождения в познании божественной сущности человеческий разум делает положительные выводы. Для Кузанского высшее искусством истины, которым формируется разум, само по себе не может быть выражено разумно и постигнуто в понятиях разума. Знать истину – не обладать каким-либо понятие или определением, а «...быть самим источником истины, уподобиться всеобщему художнику, сосредоточиться в простоте божественного ума, в котором все возможные произведения уже актуально пребывают» [Кузанский Н. Об ученом незнании. 2001. С. 31]. В акте познания происходит встреча рационального искусства человека с универсальными методами, действующими в природе. «Предположения, должно быть, происходят из нашего ума, как действительный мир – из бесконечной божественного основания. Так как человеческий ум, благородное подобие Бога, участвует, насколько может, в плодородии творящей природы, то он из себя, как образа всемогущей формы разворачивает творения рассудка, наподобие действительных вещей» [Там же. С. 64]. Человеческий ум

подобен уму божественному, он действует тем же самым способом, каким Бог творит мир. Но он никогда не достигает божественного знания, а все его построения лишь приближаются к желаемой полноте, к познанию вещей такими, каковы они есть. Природа перед нашим взором оказывается чем-то разнородным, её нельзя свести в единый образ. Многообразие и разнообразие чувственного мира бесконечно и никакая идеальная мера не достигает бесконечной точки, творческого нутра природы. Неизмеримость – верный признак реальности. Чувственная реальность не может иметь актуального центра, ни идеальных определений вообще, однако в ней заложена онтологическая однородность, единая сущность всего многообразия окружающего мира. Однако мера вещей в уме, а не в них самих.

Разум не обретает истины в процессе познания, но эта истина находится в нем самом, и заключается в подобии его божественному уму. Хотя она не достижима, разум устремляется к ней, и самораскрывается в процессе познания. Цель познания – божественный замысел, он недостижим, но различие в полученных знаниях является следствием ограниченности нашего ума и само по себе естественно. Божественный замысел представляет то абсолютное единство реальности, которое наши теоретические конструкции делают относительным. Таким образом, разум имеет цель познания в самом себе, эта цель не достижима, но она придает целостность противоречивому процессу познания. Однако, сказать, что познание лишается своей абсурдности, имея центр своих устремлений в самом себе, было бы не верно. Самодостаточность разума в процессе познания невозможна без того, что разум сам в себе подобен божественному уму и устремлен к созерцанию божественного.